

Моск. новости. — 2002. — 16–22 июля. — с. 19.

СОЛЖЕНИЦЫН без альтернативы

К выходу в свет
готовится
биография
великого писателя

Историк литературы Людмила САРАСКИНА известна любителям отечественной словесности книгами о Федоре Михайловиче Достоевском и его круге. Сегодня ее интересует судьба патриарха нашей современной литературы Александра Исаевича Солженицына. О том, что побудило ее обратиться к личности писателя, Сараскина рассказывает в «МН»:

— Это может показаться нелепостью, но я считала себя с ним связанной с 1974 года. Александр Исаевич, естественно, не знал о моем существовании. Я приехала в Москву, поступила в аспирантуру, устроилась в ТАСС «вычитчиком» у телетайпа проверять материалы на предмет опечаток. И в первую же мою смену (а это был еще и мой день рождения) первый текст, который я прочла на телетайпной ленте, оказался Указом Президиума Верховного Совета СССР «О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А.И.». Могла ли я считать случайностью такое совпадение? Нет, конечно. И до сих пор думаю, что мне был подан знак: я стала читать Солженицына с страстием, почувствовала масштаб этой судьбы — одной из самых грандиозных и дерзновенных в XX веке. С тех пор Солженицын стал «моим» писателем наряду с Достоевским.

— А когда произошло личное знакомство с ним?

— Знаете ли вы, что косвенным виновником этого знакомства стали... «Московские новости»? Ровно десять лет назад, в июле 1992-го, в Москву впервые после изгнания приехала жена Солженицына, Наталья Дмитриевна. Ей нужно было позаботиться о жилье — к весне 1994-го планировалось их возвращение на родину. «Московские новости» организовали с ней встречу в редакции, на которую была приглашена и я, — так состоялось наше знакомство, которое продолжилось и за пределами газеты.

— Ну, а с самим писателем когда же вы все-таки познакомились?

— Спустя полгода после его возвращения: 3 января 1995-го, около одиннадцати утра дома раздался телефонный звонок, и знакомый мужской голос спросил: «Это Людмила Ивановна?» — «Да». — «А это Солженицын. Я читал некоторые ваши работы и хотел бы с вами встретиться, если не возражаете».

— И какой была ваша первая реакция?

— А вы как думаете? Реакция была понятной: «Ой!» Но потом все же я взяла себя в руки и что-то такое проворчала: мол, ваш звонок — это новогодний подарок. «Но какой печальный Новый год», — возразил он: в разгаре была первая чеченская война, и мы говорили о последних военных сводках. И потом условились увидеться 12 января в Русском общественном фонде. Через месяц я была на премьере его спектакля «Пир победителей» в Малом театре. Мы стали общаться более или менее регулярно.

— Как вы стали членом жюри его премии?

— Этот сюжет относится уже к

1997 году. Александр Исаевич рассказал о своем давнем замысле — учредить литературную премию на средства, полученные от мировых гонимых за «Архипелаг ГУЛАГ». В течение нескольких месяцев мы вместе (я — в качестве члена оргкомитета премии) составляли проект устава, после чего я была приглашена войти и в состав жюри.

— Ваше решение писать книгу о Солженицыне явилось для него неожиданностью?

— И да, и нет. Нет — потому что я и до знакомства с ним опубликовала несколько статей о его творчестве. И не скрывала, что рано или поздно соберусь с силами для большой работы. А тут в 1998 году НТВ приступило к съемкам четырехсерийного документального телефильма к 80-летию юбилею Солженицына, и автор проекта, Леонид Парфенов, пригласил меня быть литературным консультантом. Тогда-то я и написала обширный план для фильма, но фактически это был уже сценарий будущей книги. Через некоторое время я подала на конкурс Московского литфонда и Альфа-банка фрагмент книги; заявки рассматривались под девизом, рецензенты не знали, кто авторы текстов. Спустя несколько месяцев мне сообщили, что я выиграла конкурс и буду в течение года получать стипендию. Только тогда я сообщила Александру Исаевичу о моей авантюре. «Ну вы и конспиратор», — засмеялся он. «Мне было у кого учиться», — ответила я.

— Поставил ли он вам какие-либо условия? Шла ли речь о том, например, чтобы показывать готовые страницы?

— Нет, конечно. Напротив — предложил всяческое содействие, сказал, что открыт для меня. Но я сама просила о встрече, чтобы представить свой проект и договориться о той форме сотрудничества, которая необходима мне и необременительна ему. Речь шла о материалах для «Летописи жизни и творчества» — важнейшего и обширного документального приложения, которое войдет в состав книги. Каждый фрагмент летописи должен быть датирован, документирован и авторизован; нужно удостовериться в точности всех ее фрагментов. Нужно уяснить, например, что именно из жизни героев Солженицына имеет автобиографическую основу, и вытащить это на свет.

— Что в книге будет кроме летописи?

— Основной корпус книги — это мое повествование, моя попытка как историка литературы понять феномен судьбы Солженицына в контексте истории русского XX века. Его жизнь много раз могла пойти по альтернативному варианту — он мог уйти из университета в училище НКВД (куда студентов настойчиво вербовали), мог стать артистом в театре Завадского (в 1936-м будущий писатель поступал к нему в театральную студию в Ростове), мог быть озорнее в своих фронтовых письмах и избежать ареста, мог благополучно вернуться после войны и вписаться в советскую систему. Самое интересное для биографа — понять мотивы и следствия поступков и то, каким образом они складываются в линию судьбы.

— Как вы встречались и работали?

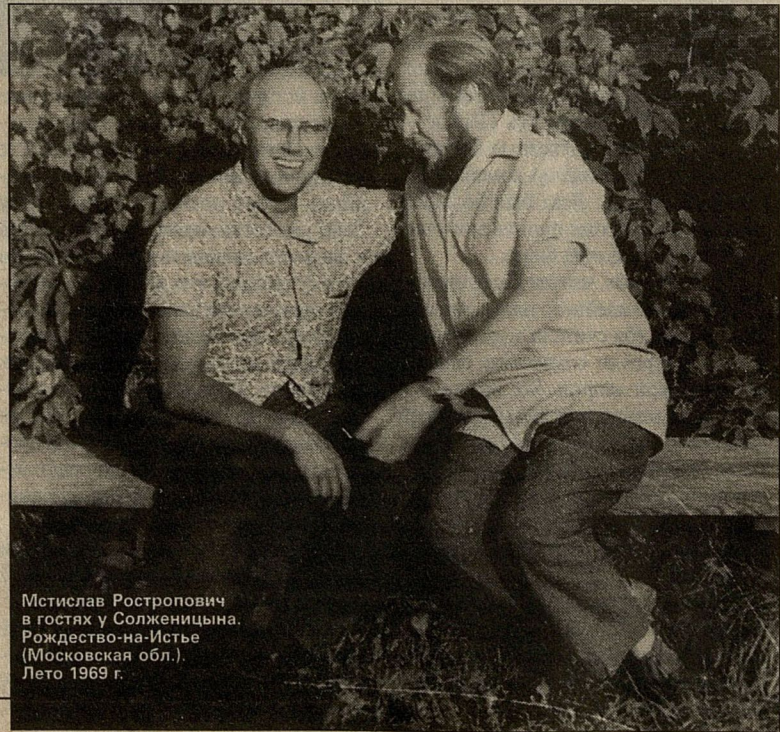
— Прежде чем я первый раз приехала к нему в Троице-Лыково с магнитофоном и вопросами, я достаточно подробно проштудировала все, им написанное и опубликованное, составила первый вариант той самой Летописи и чувствовала себя вполне уверенно внутри материала. Я не просила его, к примеру, «рассказать о детстве», а «цепляла» вопросы к тому, что он уже сам об этом писал в разное время. И собирала, как правило, знатный урожай: Александр Исаевич обладает феноменальной по объему, качеству и яркости памятью. Ничего подобного ни у кого я никогда не встречала.

— Его не раздражают ваши подробные вопросы и ваша осведомленность?

— Я очень увлечена и его историей, и своей работой, и стараюсь не быть занудой. Я не устраиваю ему допросов и не выбиваю из него показания; мы просто беседуем под магнитофон. К тому же Александр Исаевич способен ценить труд другого человека.

— Были ли такие вопросы, на которые писатель не хотел вам отвечать?

— Знаете, у каждого человека есть сферы жизни, о которых не рассказывают даже и биографу. Я стараюсь держать границы своей профессии. Иногда Александр Исаевич готов что-то рассказать мне лично, но не для печати. Тогда я просто выключаю магнитофон.

Мстислав Ростропович в гостях у Солженицына. Рождество-на-Истье (Московская обл.). Лето 1969 г.

Учитель Солженицын в деревне Мильцево (Владимирская обл.). Осень 1956 г.

— Эти его рассказы войдут в Летопись?

— Нет, конечно, потому что жизнь больше Летописи.

— А Наталья Дмитриевна вам помогает?

— Без Натальи Дмитриевны многое было бы невозможно. Последние тридцать лет все бумаги Солженицына — в ее рачительном ведении и попечении. Она — редактор его сочинений и президент его фонда, она — душа и центр всех его дел. И если я что-то прошу, Александр Исаевич говорит жене: «Аленька, найди, пожалуйста». Благодаря ей в моей книге будет внушительная подборка документов, публикуемых впервые.

— Какими источниками вы пользуетесь? Не секрет, что о Солженицыне написано много всякого. И не всегда лестного. Такого, что может ему и не нравится.

— Я счастлива, что имею доступ к первоисточнику. Любые мемуары и мнения вторых и седьмых лиц — это материалы из вторых и седьмых рук. Есть такое понятие, как достоверность источника. Может ли биограф принимать за чистую монету свидетельские показания очевидцев и спутников? Может, конечно, но ведь свидетели, когда создают мемуары, не кланутся на Библию, что будут говорить правду, одну только правду и ничего кроме правды. Они часто выдумывают, клеветают, лгут, сводят счеты. Значит, мне пришлось бы заниматься не Солженицыным, не его жизнью, а причинами, по которым тот или иной свидетель обогнул истину. То есть изучать дело свидетеля — его страсти и страдания, обиды и комплексы. Но мне-то интересен мой герой!

— Вот недавно вышла книга Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа», в которой общепринятые вещи и оценки вроде бы сопоставляются.

— Эта книга — портрет Войновича, а не Солженицына. К сожалению, не слишком лестный для автора. Войнович не может скрыть пожизненную обиду, что кому-то дано все, а кому-то — ничего. Ему хочется раз и навсегда покончить с тотальной несправедливостью Фортуны. Но так же когда-то «развенчивали» и Пушкина, и Достоевского! И бушевали пролеткуловцы, которым не спалось из-за славы корифеев. Бушует и Войнович — так яростно, что даже подтасовывает факты. Например, он обвиняет Солженицына в ненависти к малолеткам-уголовникам в зоне. Речь идет об «Архипелаге ГУЛАГ» (ч. 3, глава 17 —

«Малолетки»). Но там о ненависти к малолеткам рассуждает эзк-старик Ц., разработавший метод их постепенного и незаметного уничтожения. А Солженицын-то как раз говорит о сталинском законодательстве, ГУЛАГовском воспитании и воровской закваске, которые привели к оскотиниванию и детей, и взрослых. Почувствуйте разницу! Или вот еще эпизод с Шаламовым: Войнович повторяет навет недобросовестного комментатора дневников Шаламова об одной из его встреч якобы с Солженицыным, при которой обсуждалась отправка рукописей на Запад. Но Солженицын давно опроверг эту клевету. Я процитирую вам точно: «Никогда не было у меня с Шаламовым ни такого, ни подобного разговора — «пойдет — не пойдет», никогда я не «черкал» рукописей В.Т., никогда не обсуждал, посылать ли ему их на Запад» («Новый мир», 1999, № 4. С. 169). И сколько еще таких же «аргументов обвинения»! Но всех своих будущих оппонентов Войнович предусмотрительно уличил в идолопоклонстве — в «солженицизме». Лучшее же сразу бы обвинил в «преступной любви» к писателю. Многие бы охотно признались.

— Не собираетесь ли вы поехать по тем местам, где бывал Солженицын? Пожить в Вермонте? Почувствовать атмосферу тех мест, прогуляться по Кельну или Цюриху?

— Я много раз бывала в Германии и полгода жила в Америке. В случае Солженицына уместно было бы поехать по местам «Архипелага ГУЛАГ», а не гулять по Европе. Нет смысла стремиться к месту вынужденного проживания писателя, есть смысл пробиться к каждому решающему моменту его судьбы, обжить его время.

— Сколько времени вы потратите на книгу?

— Боюсь загадывать и боюсь сглазить. Но уже чувствую, как жаль мне будет с ней расставаться.

— Вы уже выбрали издательство?

— У меня есть несколько предложений, вполне серьезных и интересных; и я их обдумываю.

— Перед тем как сдать рукопись в издательство, вы покажете ее герою?

— Летопись покажу непременно, даже просить буду обезопасить эту часть моей работы от ошибок и неточностей. Ну а целое — я мечтаю, что Александр Исаевич увидит его уже в обложке, с моей дарственной и благодарной надписью.

Беседу вела
Татьяна АНДРИАСОВА